

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА ПОДОЛЯ РУДОЛЬФА ЯНОВИЧА

доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой философии
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»
на диссертацию Бородина Евгения Андреевича
«Философские проблемы становления ноосферного права:
инвайронментальный дискурс "живого права"» (Иваново, 2015. 167 с.),
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.11 — социальная философия

Диссертация «Философские проблемы становления ноосферного права: инвайронментальный дискурс "живого права"», подготовленная Бородиным Евгением Андреевичем, представляет собой оригинальный научный труд, написанный на актуальную тему, связанную с рефлексией одного из важнейших аспектов формирующегося глобального сознания — глобального правового сознания. Значимость проблематики, исследуемой автором, представляет несомненный интерес для современной философской науки, ибо «определяется необходимостью поиска выхода из модели антропоцентрического и техноцентристского восприятия жизни, в котором находится человеческая цивилизация последние столетия» [с. 4].

В теоретическом горизонте альтернативного осмысления этой грядущей глобальной цивилизационной трансформации диссертант ориентирован на парадигму русского космизма, в частности, беря в ней за основу ноосферную теорию, разработанную выдающимся отечественным мыслителем академиком В. И. Вернадским. В своей исходной целевой установке автор диссертации полагает, что учение о ноосфере, в контексте актуальных вызовов современности, содержит фундаментальный теоретическо-аксиологический потенциал для перспективной разработки комплементарной концепции «живого права» О. Ерлиха [с. 33, 41, 58–59] и инвайронментальной парадигмы [с. 53].

В этой связи следует отметить, что «ноосферные исследования» в последние десятилетия привлекают к себе повышенное внимание социально-гуманитарной науки, что в полной мере относится и к ивановской ноосферной школе, представителем которой является диссертант. Важно также подчеркнуть, что теоретическая панорама современных ноосферных исследований разворачивается в нескольких альтернативных направлениях: историческом (Д. Г. Смирнов), антропологическом (Е. В. Палей, М. А. Меликян), гносеологическом (Ю. В. Платонова), онтологическом (М. В. Жульков, А. С. Никифоров).

Анализируемая работа выводит рефлексию ноосферного мышления на новый ракурс аскиологического и праксиологического измерения, поскольку особенности формирования индивидуального и общественного сознания в условиях глобальных социокультурных трансформаций предопределяются ускоряющимися процессами научно-технологической NBIC конвергенции. В следствие этого, творческая самореализация современного человека разворачивается в условиях интенсивного развития информационного общества, в котором подвергаются радикализации традиционные религиозные убеждения, сталкиваются противоречивые социальные процессы этнической локальности и мультикультурной хаотизации, усиливается противоборство синергетических аттракторов, предопределяющих футурологические сценарии выбора ноосферного или антиноосферного развития человеческой цивилизации.

Таким образом, актуально обозначился научный интерес, диссертанта, который **объектом** своего исследования заявил «глобальные общественные отношения, складывающиеся в сфере взаимодействия человечества и природы». Исходя из гносеологического обозначения объекта, **предметом** исследования выступает «процесс теоретического и практического освоения опыта «живого права» и его переход в ноосферное право в глобальной системе «Человек – Общество – Природа» [с. 8]. Заслуживает внимания **цель** исследования, реализация которой, по мнению диссертанта, позволит «выявить философские основания формирования ноосферного права как особой формы закрепления социоприродных отношений и дать его обоснование в контексте постнеклассической картины мира» [там же]. Представляется, что с учетом общего исследовательского замысла, формулировка объекта, предмета и цели диссертации свидетельствует о продуманной системности анализа обозначенной научной проблемы.

Этот вывод подтверждается также логической продуманностью диссертантом структурных компонентов работы, которая имеет четко выраженную эвристическую направленность: от философско-правовой концепции живого права к философии живого права [глава I], затем от философии живого права к теории ноосферного права [глава II] и, наконец, от теории ноосферного права к ее репрезентации в рамках современных глобализационных процессов в России и мире [глава III]. В результате автор обозначил своеобразную «круговую» (теоретико-практическую) схему работы, позволяющую последовательно рассмотреть ноосферное право как объективный социальный феномен, который на определенном историческом этапе цивилизационного развития рефлексивно отражается категорией «ноосферное право». Ведь, по ноосферной концепции

В.И.Вернадского, человеческое мышление является органичным планетарным явлением, диалектически сочетающим в себе эволюционные процессы символообразования и смыслообразования. Исходя из этого, ноосферная цивилизация органично генерирует ноосферное мышление человека, который, в свою очередь, невиданной ранее творческой самореализацией, вызывает к жизни новую социальную практику ноосферной правовой репрезентации.

В плане методологии, представленной системным, экологическим, инвайронментальным и синергетическим подходами, диссертант ориентирован на парадигмальное понимание ноосферных изменений традиционных социальных практик, нашедшее отражение в работах И. В. Дмитриевской. Это, в частности, расширило теоретико-методологический кругозор автора, позволив ему: раскрыть субстратный, структурный и концептуальный уровни в системе складывающегося ноосферного права; описать становление ноосферного права в моделях ноосферного и семиотического законов; рассмотреть современные формы ноосферного права; осуществить анализ существующих социально-правовых практик [с. 9].

С учетом этого в рамках феноменологического подхода ноосферное право представляется органичной составляющей современной проблематики космического мировосприятия и социально-философского дискурса, стремящегося к комплексному исследованию глобальных вызовов современности. Что касается категоризации, то при анализе предпосылочной источниковой базы диссертант показал, что понятие «ноосферное право» уже достаточно устойчиво обозначено в ряде научных трудов отечественных исследователей. При этом он подчеркивает некоторую ограниченность применения этой категории политологическим и социологическим контекстами и недостаточность ее расширенного философского толкования. [с. 57–58]. Отсюда следует вывод, что целостной концепции ноосферного права, и в этом автор диссертации согласен с Е. А. Бородиным, в современной философской науке не представлено. Но при этом он ссылается на существование так называемой Нооконституции, идеологом и последователем которой является доктор философии Л. С. Гордина.

В данном контексте следует положительно оценить попытку автора выйти на мета-теоретический уровень исследования, предложив собственно социально-философский ракурс рассмотрения проблемы, качественно отличный от социо-гуманитарных, этически-антропологических и дисциплинарно-прикладных правовых исследований. С учетом этого,

диссертант совершенно обоснованно считает необходимым осуществление редукции феноменологического и категориального подходов в анализе исследуемой проблемы в более широкий контекст «глобального права» (А. Д. Урсул), что в последующем предопределяет фундаментальность научного исследования и обуславливает социокультурную значимость выводов диссертационной работы.

Заданный теоретико-исследовательский ракурс способствовал привлечению внимания автора к категориальному анализу ноосферного права как системы правовых отношений, направленных на оптимизацию и гармонизацию биосферно-техносферных и техносферно-цивилизационных взаимодействий в сложной и противоречивой организованности «Человек – Общество – Природа». Рефлексируя в данном ракурсе диссертант предложил целый ряд разноуровневых определений феномена «ноосферное право»: классическое [с. 58], «генетическое» [с. 59], «дисциплинарное» [с. 61], системное [с. 65].

Следует согласиться с рабочей гипотезой исследования, где ноосферное право статусно фиксируется как проективная «форма глобальности» [с. 11]. При этом, ноосферное право интерпретируется как закономерный этап в развитии отношений в системе «Человек – Общество – Природа», эволюция которых представлена диссертантом в логической связи понятий: «природоохранное право», «экологическое право», «инвайронментальное право», «право устойчивого развития», «глобальное право» [с. 48, см. также с. 54]. В данном системном контексте формальное представление о глобальном праве указывает, прежде всего, на его фрагментарный признак. В отличие от этого, ноосферное право, как более объемная по содержанию категория, обладает признаками репрезентации всей правоведческой системы, дополнительно задаваемой «Всеобщей декларацией прав человека», «Декларацией прав культуры» и «Всемирной хартией природы» [с. 68].

Обратимся непосредственно к содержанию работы.

Первая глава «От "живого права" к ноосферному праву: философский анализ» содержательно многоаспектна: в ней переплетаются собственно философский, философско-правовой и философско-антропологический аспекты.

Смысловое содержание первой главы раскрывается диссертантом через обоснование тезиса о том, что «современные исследования понимания права целесообразно основывать <...> на проблеме влияния права на общество, в особенности для выяснения того, что реально дает гражданам действующее право или чего они лишаются в результате его бездействия и

нежизнеспособности» [с. 15]. Диссертант попытался реализовать эту научную задачу путем обращения к концепции «живого права», сопоставляя представления о правовых феноменах, нашедших отражение в таких категориях, как «неправо», «негативное право», «фактическое право», «неофициальное право», «антиправо», «предправо», «псевдоправо», «параправо» и других. Скрупулезный анализ представлений о «живом праве» приводит автора к двум значимым в контексте работы выводам: об опережающем характере «живого права» [с. 24]; его принципиально субъект-субъектной природе [с. 33]. Размышления диссертанта приводят его к мысли, что представление о живом праве вызывает биосферные коннотации, которые, в конечном итоге, ведут в дальнейшем к представлениям о ноосферном праве.

Системно-синергетический анализ живого права Е. А. Бородин осуществляет через обращение к моделям системного подхода К. Л. фон Берталанфи, А. И. Уёмова и И. В. Дмитревской, что по нашему мнению вполне оправданно. В качестве важных результатов этого анализа следует упомянуть вывод о том, что система живого права функционально поддерживает себя в устойчивом состоянии (без помощи правотворческих органов) [с. 36]. Как показывает диссертант, что элементами живого права являются его социальные формы; отношения между ними фиксируются объективной логикой эволюции общественных отношений, среди которых выделяются следующие элементы: — правовой обычай — письменный документ — норма права. Анализируя их, диссертант приходит к выводу, что «системообразующей связью названных элементов является то, что все они служат созданию правопорядка, направленного на сохранение реально существующих общественных отношений» [с. 38]. А далее автор формулирует теоретическое предположение, что ролью для системы живого права целью является сохранение коллективного опыта разумных инвайронментальных отношений, то это способствует переходу «живого права» к системе инвайронментального, а затем глобального и ноосферного права [с. 41].

Оригинальное совмещение концепций О. Эрлиха и П. Тейяра де Шардена, осуществляемое автором в третьем параграфе, позволяет диссертанту зафиксировать дополненность теории живого права и инвайронментальной парадигмы, что, с одной стороны, позволяет ему проследить социальную траекторию развития человеко-средовых отношений и сделать вывод близости инвайронментальной парадигмы и ноосферного видения мира [с. 53]; а с другой стороны, очертить признаки содержания ноосферного права, как системы правовых отношений, направленных на

оптимизацию и гармонизацию биосферно-техносферных и техносферно-цивилизационных взаимодействий [с. 51]

Разработка содержания второй главы: «**Понятие и система ноосферного права**» позволила диссертанту рефлексивно рассмотреть единство «категориального» и «феноменального» применительно к ноосферному праву через призму онтологизации данного понятия. И здесь, прежде всего, следует отметить вдумчивую работу автора с базовыми для данного диссертационного исследования понятиями. Для примера можно сослаться на последовательный подход Е. А. Бородин, в его авторском осмыслении ноосферного права. Под ним диссертант предлагает понимать *«системно организованное Всеобщее право, концептом которого является правопорядок, при котором сохраняется опыт коллективного разума, структурой – реальные инвайронментальные общественные отношения, стремящиеся к автотрофности, субстратом – ноосферный человек, создающий формы ноосферного права»* [с. 65]. Анализируя дефиниции, выработанные в предшествующих диссертационных исследованиях по данной проблематике, автор придерживается корректной позиции, которая, в прочем, не помешала ему выразить свое авторское видение их достоинств и некоторых издержек. При этом, Е. А. Бородин не абсолютизирует авторское видение категории «ноосферное право», замечая, что его становление как феномена и как понятия — сложный и только начинающийся процесс, идущий в рамках глобализации современного сознания стремящегося к объединению человечества, предстающий как одна из возможных пролонгаций международного глобального правового сознания [с. 68–69].

Второй параграф посвящен анализу принципов организованности ноосферного права. Диссертант из большого количества разноуровневых принципов отбирает лишь четыре: «1) принцип жизнеспособности; 2) принцип безопасности; 3) принцип заботливости; 4) принцип умеренности. Основопологающим и системообразующим принципом ноосферного права должен стать принцип разумности» [с. 80], обосновывая свою точку зрения частным (воспитательным, личностным) характером отбрасываемых постулатов [с. 78, 80].

Определенный научный интерес представляет авторское рассмотрение ноосферного права в контексте универсального ноосферно-семиотического закона. В данном контексте для диссертанта представилось очевидным, что в системе ноосферного права основной ноосферный закон выглядит следующим образом: *«правопорядок, при котором сохраняется опыт коллективного разума, создается при наблюдении реальных инвайронментальных общественных отношений, стремящихся к социальной*

автотрофности» [с. 88]. Исходя из этого, автор пришел к выводу, что основной семиотический закон работает следующим образом: «ноосферный человек <...> создает формы ноосферного права в виде правовых актов и договоров, которые в дальнейшем начинают применяться сознательным населением Планеты и посредством правоприменительной деятельности и распространения информации о разумном поведении, складываются инвайронментальные общественные отношения в результате чего формируется правопорядок, при котором сохраняется опыт коллективного разума» [с. 90–91].

Третья глава «**Инвайронментальные репрезентации ноосферного права**» посвящена сравнительному анализу конкретных проявлений эволюционного тренда ноосферности права в контексте российского и международного законодательства.

Краткий экскурс в историю «экологизации сознания», осуществленный диссертантом в первом параграфе, убедительно показывает, что «геополитический инвайронментализм послевоенного периода постепенно уступает доминирующее место антропологическому инвайронментализму Римского клуба, который в последующем переходит в экологический инвайронментализм ООН» [с. 101]. Начало XXI века автор не без должных теоретических оснований связывает с комплексным инвайронментализмом, который футурологически становится основой глобальной тенденции развития ноосферного права.

Анализ правовых кейсов российского и международного права позволяет автору выявить их слабые стороны, в частности их несогласованность и декларативность [с. 101–102], а также предложить свое видение содержательной стороны некоторых нормативных актов, например, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, дополнив ее статьей: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и экологическую безопасность, достоверную информацию о состоянии экологической безопасности своей жизнедеятельности, а также имеет право на жизнь в биосфере и ноосфере» [с. 112]. В этом контексте диссертант рассматривает Ноо-Конституцию как основополагающий законодательный акт, устанавливающий фундаментальные юридические принципы и условия для организации жизнедеятельности глобального человеческого общества [с. 124].

Наряду с отмеченными положительными теоретическими достоинствами, диссертация Е. А. Бородина не лишена определенных недостатков.

1. Вызывает некоторое сомнение сведение во второй главе диссертации проблемы акторов ноосферного права к деятельности ноосферного человека [с. 73, 82, 88, 103], который мыслится диссертантом в качестве своеобразного творческого всезнающего субъекта. Во всяком случае, этот авторский тезис нуждается в категоричном прояснении и более обоснованной аргументации.

2. Третьей главе диссертации имеет место смещение аналитической состоятельности исследования в сторону избыточной публицистичности. В частности, представленный на некоторых страницах репрезентативный материал о «ноосферности» кейсов, к которым апеллирует автор, по нашему мнению, не получает должного философского обобщения, что приводит к упрощенности полученных выводов. Также нуждаются в корректировке и те фрагменты текста, в которых собственная позиция диссертанта перекрывается теоретическими идеями других исследователей (в частности, А. Д. Урсула).

3. Поддерживая в целом автора в его четко выраженной критической оценке международных документов в сфере охраны окружающей среды, указывающей на их несогласованность, финансово-экономическую зависимость и политическую декларативность [с. 101–102], нельзя, тем не менее, обобщенно соотносить это с отсутствием глобальных интересов субъектов международного права в деле продуктивного решения экологических проблем [с. 104].

Отмеченные выше конкретные недостатки диссертационной работы и обозначенные замечания в адрес некоторых аспектов авторской позиции не носят принципиального теоретического характера, а фиксируют лишь проблемные точки исследования, на которые в последующем следует обратить более пристальное внимание. В целом же, основные положения диссертации хорошо продуманы и аргументированы, а выводы и рекомендации, сформулированные автором, обладают обоснованностью и являются достоверными. Текст автореферата соответствует содержательному тексту диссертации. Работа соответствует паспорту специальности 09.00.11 — социальная философия, в частности, указанным во введении к работе областям исследования: пп. 6, 7, 8, 10, 16, 33.

Ключевые положения диссертации, обладающие научной новизной, отражены в 12 авторских публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание ученых степеней; а также апробированы на 11 конференциях разного уровня.

Диссертационное исследование «Философские проблемы становления ноосферного права: инвайронментальный дискурс "живого права"» соответствует требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам, установленным Положением «О присуждении ученых степеней», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор, Бородин Евгений Андреевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 — социальная философия.

Официальный оппонент —
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет имени С. А. Есенина»



Подоль Рудольф Янович
E-mail: r.podol@rsu.edu.ru

Юридический адрес университета: Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.
Телефон: +7 (4912) 28-14-35 (приёмная ректора РГУ имени С. А. Есенина). E-mail:
info@rsu.edu.ru. Почтовый адрес университета: Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы,
д. 46.

